

Павел Брычков

Чеченские были

Автору, к сожалению (или к счастью!), не довелось побывать в Чечне. Очерки написаны по рассказам участников событий и отснятым ими видеоматериалам. Главные герои читали рукопись и устранили некоторые неточности, но, думается, вряд ли их удалось избежать полностью, ибо на войне одно и то же событие разными людьми оценивается по-разному. Посвящаю эти были всем омовцам: и павшим, и живым, которые ездили и продолжают ездить в трудные и горячие командировки.

«Нам надо взять завод, и мы возьмем!..»

Вторую неделю омский отряд омовцев под командованием полковника милиции Лукина располагался в пункте временной дислокации 1-го полка дивизии Внутренних войск им. Дзержинского у совхоза «Родина» севернее Грозного. В совхоз не вошли, и он оказался между ПВД и городом, окраины которого просматривались в бинокль, а черные столбы дыма пожарищ были видны и невооруженным глазом.

Палаточный лагерь и техника (жавшиеся друг к другу бэтээры, бээмпэшки, кунги и кашаэмки), припорошенные январским снегом, были обнесены двумя рядами колючей проволоки и окольцованы двадцатиметровой полосой из сигнальных и противопехотных мин. А со стороны совхоза ПВД огородил себя еще и густой цепью окопов и ячеек, вырытых несколько дней назад, когда из ГУОШа пришла шифрограмма, что на этом направлении возможен прорыв из Грозного боевиков Дудаева.

Несколько дней напряженного ожидания и рытья окопов окончились ничем – боевиков не было. После неудачного штурма под Новый 95-й год за «духов», похоже, взялись всерьез, и завтра им тоже придется повоевать. Днем Лукин со спецназовцами дзержинцев ездили на разведку к северо-западному микрорайону Грозного Катаяме, обследовали подходы к заводу оргтехники, на котором закрепились дудаевцы и который надо было взять, чтобы закрыть выход из города в этом направлении. Место Лукину не понравилось. Сам завод огорожен высоким бетонным забором, а перед ним большое поле. Сколько боевиков на заводе, неизвестно. Если много, уложат на этом поле, пока до забора добежишь. Правда, обещают поддержку артиллерией и с воздуха, да и спецназ с ними пойдет... Но сначала все равно надо будет завтра провести разведку боем.

Когда Лукин объявил перед отрядом, что в разведку пойдет вторая рота, из строя раздались недовольно-недоуменные возгласы, почему, мол, вторая рота. Лукин остановил их:

– Командир полка посылает 2-й батальон, а вторая рота прикреплена к нему. Я пойду тоже, и еще капитан Семыкин пойдет.

Разговоры смолкли, а на сухощавом лице командира первой роты Семыкина появилась тень удовлетворения. Он понимал своих бойцов: так уж повелось, что во

всех делах первая рота шла первой. Так было и в Назрани в 94-м, где погиб во время захвата банды его лучший друг Иван Волохов.

– Вопросы есть? – спросил Лукин.

– Товарищ полковник, из подствольника хоть бы пострелять, многие ни разу не пробовали, – подал голос из строя Юрий Богатюк.

– Мамаев, организуй! – приказал Лукин командиру второй роты. – Там должны быть болванки-ВОГи, кто не стрелял, пусть попробуют. Всем проверить оружие, почистить! После отбоя строго всем – спать!

Олег Мамаев выдал боеприпас желающим пострелять из подствольников (набралось таких человек десять), назначил старшим Славу Теряева и сказал:

– Поторопитесь, скоро стемнеет. Слева от ПВД дом заброшенный, в него и стреляйте.

Метрах в ста от дома омовцы остановились. Зарядили подствольные гранатометы.

– Федосеич, давай ты первый, – сказал Теряев, – целься в окно.

Высокий Богатюк долго укладывался на брезенте, брошенном на снег, и пробормотал, целясь:

– Черт, броник мешает, голова ниже жопы получается!

Все засмеялись, слышались советы не выпячивать пятую точку. Наконец Богатюк выстрелил. Было видно, как черной точкой ушла граната-болванка и ударила в стену дома, оставив темное пятно.

Глянув в оптический прицел от СВД, Теряев сказал:

– На метр левее попал... Давай, Гиви.

Осетин-омовец Гиви Газзаев выстрелил с колена и тоже не попал в окно.

– Полметра на одиннадцать часов, – прокомментировал Теряев. – Агарков, следующий...

Вдруг двери дома, по которому они стреляли, распахнулись, и оттуда выбежали три солдата в зеленых камуфляжных бушлатах.

– Не стреляйте! Не стреляйте! – замахали они руками.

Это были солдаты-«дзержинцы».

– Отставить! – скомандовал Теряев с обескураженно-испуганным выражением на лице.

– Мужики, вы че, охренели! У нас ведь тут наблюдательный пункт! – закричал подбежавший к омовцам старший сержант.

– Так кто ж знал, что у вас тут НП, – пробормотал Теряев.

– Да он уже неделю тут!

– Радуйтесь, что болванками стреляли, – усмехнулся Богатюк.

– Хорошо, что в окно не попали, – сказал сержант, а то бы размазали по стенке... Дайте хоть стрельнуть нам, за то что напугали!

Лукин почувствовал острое желание побыть одному. Он сел на ящик между палатками, в которых жили его бойцы, закурил и, устремив взгляд перед собой, замер в отрешенной задумчивости, не замечая проходивших то и дело мимо него омовцев.

Чутье подсказывало ему, что завтрашнее дело будет непростым, и от того, как поведут себя бойцы, будет зависеть многое. Ибо наверняка это не последняя их командировка. Это ж надо было совершить такую глупость: вооружить до зубов, а потом начинать войну. В молодости, глядя на карту страны, он радовался, что живет в таком могучем государстве, на которое никто не отважится напасть, и ему не придется воевать. Однако вот пришлось... Как будто какое-то наказание навалилось на страну, обрекая ее на новые испытания, мимо которых не пройти никому. А уж им, служивым людям, тем более.

И октябрь 93-го доказал это. Пришлось и омскому ОМОНу поучаствовать, гасить разгоравшееся пламя гражданской войны. Он и сейчас убежден: если бы не подавить тогда, то страшная междоусобица была бы неминуемой. Хотя опять же здесь, в Чечне, если разобраться, тоже гражданская война, только с национальным уклоном.

Тогда их отряд загрузился в самолет в ночь на 4 октября. Из Омска с ними полетели губернатор и будущий Генеральный прокурор. Через час полета пришло сообщение, что их самолет заминирован. Один из охранников губернатора пошел в передний салон и попросил, чтоб он успокоил своих людей. Он вернулся к своим, посмотрел на ничего не подозревающих бойцов, усмехнулся и молча сел на свое место в первом ряду.

Самолет посадили для осмотра в Нижнем Новгороде. Начальство увезли сразу на черных машинах. А он, глядя в иллюминатор, увидел, как самолет оцепили люди в масках и, перекатываясь через спину, готовились к стрельбе. Омоновцы тоже заметили это и заволновались. Недалеко от трапа он увидел легковую машину и трех офицеров. Приказал бойцам без его команды не стрелять, повесил на плечо автомат, надел серый камуфляжный бушлат и, прикрывая автомат полкой, спустился по трапу.

Внизу его встретил истеричным криком полковник милиции (как потом выяснилось, замначальника областного УВД по тылу):

– Кто такие? Какого х... разлетались в такое время? Ты кто такой? Как стоишь!

Он спокойно подошел к нему, ткнул ствол автомата в живот и процедил сквозь зубы:

– Ты чего разорался! Я тебе сейчас кишки выпущу!

Полковник как-то разом осунулся, посерел лицом и пробормотал:

– Извиняюсь!

– Видишь приказ замминистра, – достал из кармана листок, – я его выполняю! И убери своих людей да проверяй скорее самолет.

В самолете ничего не нашли. И только когда омоновцев построили, собака, натасканная на взрывчатку, вдруг положила лапы на грудь одному из бойцов.

– Ага, есть! – обрадовался полковник. – Что там у тебя?

– Ладно, он сам покажет, – сказал Лукин.

Омоновец смутился, покраснел, вытащил из кармана сверток и пробормотал:

– Да сало тут у меня...

Лукин засмеялся:

– Вы бы хоть собаку покормили!

А потом были растревоженные московские улицы. Слава Богу, им не пришлось сталкиваться с толпами безоружного народа. Когда по Дому Советов стреляли танки, они стояли на соседней улице в оцеплении. По ним стреляли снайперы с чердаков высоток. Тогда не задумывались, кто это, бейтаровцы или сторонники парламента, открывали ответный огонь на любые выстрелы. Хотя много было непонятного. Сам он чуть не погиб тогда. По улице шел БТР и поливал без разбора из крупнокалиберного то одну сторону улицы, то другую. Лукин укрылся за гранитным парапетом, как неожиданно его толкнул на землю Сергей Матика. А в «граните», где только что была его голова, зияла здоровенная дыра. Оказалось, что парапет из какого-то декоративного пластика.

После возвращения домой с горечью читал в патриотических газетах, что в Москве особо зверствовал и мародерствовал омский ОМОН. Да он бы первый пристрелил любого из своих за мародерство! Жадных не любил... Хотели подать в суд на газету, но начальство передумало.

...Заметив, что давно сидит с погасшей сигаретой, он щелкнул зажигалкой. Мысли вновь вернулись к завтрашнему дню. Как-то пройдет он? Но как бы там ни было, он решил в душе, что будет со своими ребятами, с теми, кто идет первым.

В пять утра Семькина разбудил дежурный омоновец и сказал, что командир приказал поднимать обе роты. После команды «Подъем!» в палатке сразу стало тесно. Бойцы торопливо одевались, разбирали оружие и, поправляя на ходу бронежилеты и «сферы», выходили на построение, где их уже ждал Лукин с заместителями Коваленко и Колмогоровым.

Когда бойцы построились, Лукин громко объявил:

– Внимание всем! Получен новый приказ: мы все, обе роты, выступаем в Катаяму. Вместе с первым полком Внутренних войск будем брать завод оргтехники. Как возьмем, нас заменит новосибирский ОМОН, который произведет зачистку. Всем плотно позавтракать и грузиться на «Уралы».

«Урал», на котором ехали Коваленко и Семькин с омоновцами первой роты, неожиданно заглох. Какое-то время он еще прокатился по инерции, прижимаясь к обочине, и остановился. Семькин спрыгнул с заднего борта на землю. Почти вся колонна шла уже впереди. Мимо проехали еще один «Урал», БМД, и они остались одни.

Солдат-водитель вышел из кабины, поднял крышку капота и навис над мотором.

– Что у тебя? – спросил Семькин.

– Не знаю, сейчас посмотрю.

Вокруг – покрытое снегом поле, оранжевое от восходящего солнца. С полкилометра налево виднелась деревня. На всякий случай с четырех сторон выставили боевые охранения метрах в тридцати от машины. Прошел час, а водитель все не мог сделать машину.

Показался БТР, несколько отличный от солдатского. Оказалось, командир дивизии «дзержинцев». Попросили передать Лукину и прислать тягач. Между тем

солнце уже поднялось и стало по-весеннему припекать. Бойцы томились в ожидании, курили и поглядывали на Грозный, откуда доносились то и дело раскаты взрывов.

Лукин, еще на марше получивший известие, что часть его людей отстала на «Урале», облегченно вздохнул и как бы выбросил из головы одну из забот, когда солдат-посыльный из штаба полка «дзержинцев» сообщил, что за «Уралом» послали тягач.

Он разглядывал в бинокль завод и подходы к нему с возвышения, которое облюбовал еще вчера, когда был в разведке. Завод был огорожен высоким бетонным забором, а с той стороны, откуда им предстояло заходить, всю заводскую территорию перегораживали дважды такие же бетонные стены. «Пока будем перелезать, пощелкают, – подумал он, – да еще и до забора надо добежать!» Перед заводом с их стороны поблескивало сияющим снегом чистое поле – похоже, сады расчищали и отгребли на край поля старые деревья и кусты, которые образовали вал, где укрывались сейчас спецназовцы в белых маскахалатах и его омовцы из второй роты. Снайперы стреляли по окнам серого четырехэтажного здания, из которого особенно досаждали им.

Туда и пытался направить залпы НУРСов с зависших над полем вертолетов стоявший рядом с Лукиным авианаводчик.

– «Оса», «Оса», я «Большая земля», по серой коробочке пару залпов.

Вертолеты лениво подались носом вниз, и один из них выбросил из подбрюшья черные стрелы реактивных снарядов. Авианаводчик недовольно поморщился: снаряды легли не туда. В это время со второго вертолета тоже сорвались четыре стрелы, но одна из них вдруг завиляла вверх-вниз и упала, оставив извилистый черный след, недалеко от теплицы, где они вчера обнаружили огневые ячейки с бутылками с зажигательной смесью. Тут же рядом стояли две сожженные бээмдэшки, на стене теплицы надпись: «Добро пожаловать в ад!»

– У-у, – скривился, как от зубной боли, авианаводчик и заматерился, увидев, что два снаряда попали в жилые девятиэтажки, стоявшие слева от завода. – Мне ж сказали, чтоб в жилые дома ни в коем случае!

– Да убери ты их, а то еще в наших ребят попадут.

Авианаводчик дал вертолетам отбой, те развернулись и полетели к аэродрому «Северный».

Метрах в тридцати справа от Лукина стоял танк и также обстреливал завод. Лукин подошел к нему и постучал по броне прикладом автомата. Из люка выглянул старший лейтенант.

– Ты мне лучше забор разбей!..

– Сейчас попробую, только удобнее стану...

Танк подъехал к воронке у крутого склона, где они только что стояли с авианаводчиком. Тот куда-то успел подеваться. Танк опустил ствол над воронкой, прицеливаясь. Лукин приложил к глазам бинокль, тут танк выстрелил, и Лукин почувствовал, как окуляры вдавило в глазницы воздушной волной. Из воронки выскочил авианаводчик, одной рукой держась за ухо, другой поддерживая брюки. Оглушенный, с выпученными глазами, он отбежал в сторону, выдавливая из себя лишь какие-то нечленораздельные звуки. Пряча улыбку, Лукин отвернулся и

поглядел в бинокль. Выстрел был удачным: недалеко от угла в заборе зиял здоровенный пролом.

Подошел заместитель командира полка «дзержинцев» Александр Сергеевич.

– Федорыч, как твои? Готовы?

– Готовы, только не все: «Урал» сломался. Должны скоро подъехать...

– Через полчаса начинаем. Как мои ребята пройдут через поле, так и вы за ними. Внутри вдоль ограды мы пойдем по левой стороне, вы берите правую. Связь держим по рации...

А тут подбежал Семыкин и доложил, что они добрались. Вместе с ним Лукин подошел к своим у вала перед мостиком через арык, отделявшим их от поля. Семыкину от беготни стало жарко и он, скинув бронежилет, снял куртку, а потом опять надел бронежилет. Чтоб легче было бежать через поле, половина омонцев последовала его примеру. Солнце же припекало совсем по-майски.

– Командир, спецназ пошел! – сказал Семыкин.

– Во дают ребята, в полный рост шпарят! – воскликнул кто-то из омонцев.

По полю, будто призраки, бежали солдаты в белых масках. Стоявшие на окраине поля бээмдэшки открыли огонь из пушек по цехам завода.

– Пошли! – скомандовал Лукин и побежал через мостик. Выбежав на поле, оглянулся. Его бойцы, пригибаясь, бежали змейкой. Машинально отметил то тут, то там фонтанчики снега с землей. «Только бы снайпер кого не зацепил», – мелькнула мысль, и он побежал быстрее. Поле показалось бесконечно длинным. Когда наконец нырнул в пролом забора, чуть не свалился в яму, которая была сразу за ним. «Осторожней!» – крикнул своим и забежал за стену теплицы, стоявшей слева. Пока запыхавшиеся бойцы грудились за стеной, огляделся. В углу забора стояла вышка, видимо, сторожевая. Метров тридцать впереди кирпичная будка, от нее будет удобнее всего к следующему поперечному забору.

Опасность, скрадывавшаяся в поле пространством, здесь приобрела осязаемые черты: пули то и дело цокали по бетонным плитам забора, оставляя щербинки. Место возбуждения и веселости на лицах бойцов появилась напряженность, на иных – бледность: многие впервые под огнем.

– Пригнись! Пригнись! – донеслись крики с другой стороны забора, где укрывалась от пуль часть омонцев.

Через поле во весь рост бежал солдат со станиной АГС на плечах. Не обращая внимания на крики, он, как зомби, добежал до пролома и, не заметив ямы, ухнул в нее и забарахтался в грязи, перемешанной со снегом. Омонцы помогли ему выбраться.

– Живой?

Солдат кивнул, взвалил станину на плечи и затрусил налево вдоль забора к спецназовцам, не обращая внимание на цоканье пуль.

Омонцы плотной группой жались к стене.

– Все целы? – спросил Лукин.

– Пока все, – ответил Виктор Коваленко.

Вдруг что-то ударило о стойку вышки, и рядом с омонцами упал серебристый цилиндр – ВОГ.

– Ложись! – раздался чей-то истошный крик, и все ухнули на землю кто где стоял. Из-за тесноты лечь удалось не всем. Слава Теряев упал на колени,

пригнулся, упершись в рожек автомата и тело товарища. Глянул из-под мышки на гранату и отвернулся, втянув голову в плечи. Долговязого Юрия Богатюка куча-мала так притиснула к стене, что он и колени не смог согнуть. Так и остался стоять, будто распятый, прикрывая побледневшее лицо автоматом.

В томительном молчании прошло секунд тридцать, когда кто-то с облегчением вздохнул:

– Уф-ф, не взорвалась!..

Бойцы зашевелились, вставали, отряхивая одежду.

– Ну, братцы, вы даёте! – сказал Богатюк. – Думал, все, п...ц мне, прижали – ни вздохнуть, ни охнуть, не то что лечь!

– Ну, автоматом-то ты ловко прикрылся, как на дуэли, – съехидничал кто-то.

– Вам бы так! – огрызнулся Юрий.

– Внимание! – громко сказал Лукин. – Первая рота идет со мной. Вторая с Коваленко остается здесь и движется вперед по команде по рации.

Выбежав из-за стены, он рванулся к кирпичной будке. Бойцы, пригибаясь, следом.

Зашлепали по земле пули, несколько чиркнули по стене будки, выбили красную пыль. Забухали еще чаще бээмдэшки. Еще рывок – и они у очередной бетонной стенки, перегородившей весь заводской двор. Еще наблюдая в бинокль, Лукин обратил внимание на странность такой городьбы. Но сейчас надо было как-то через нее перелезть. Не через верх же!

– Саша, где Макс? – обратился он к Семыкину.

– С Коваленко остался.

– 203-й, я 200-й! Сапера ко мне со снастью, как понял?

– Понял, 200-й! Пошел он, пошел!

Через несколько минут Максимов был рядом с Лукиным.

– Сделай нам дырку поближе к земле, – сказал Лукин. – Только отойди от нас.

Все залегли в углу забора. Максимов прикрепил к бетону тротилковую шашку, похожую на кусок хозяйственного мыла, запалил бикфордов шнур и, вернувшись, упал рядом со всеми. Ухнул взрыв, обдав горячей волной и пылью. Однако забор остался целым. Только там, где была взрывчатка, в бетоне трещины и щели.

– Ты смотри, какой крепкий! – удивился Максимов. – Сейчас двойную порцию заложу. Прорвемся!

От второго взрыва в заборе образовался пролом. Лукин подбежал к нему, осторожно выглянул, нырнул на другую сторону и, пригибаясь, побежал вдоль теплотрассы в сторону заводских корпусов.

– Федорыч, там люки какие-то! – догнал его Семыкин.

– Бросьте туда по гранате. Только аккуратнее!

Раздалось несколько взрывов. Из люков пыхнуло дымом.

Над головой звонко ударили по трубам пули. Все присели за насыпью какого-то, похожего на бомбоубежище, сооружения.

– Максимов, поработай! – кивнул Лукин на второй бетонный забор, преградивший им путь.

Слева от них, где вдоль такого же забора, шли «дзержинцы», слышался густой треск автоматной стрельбы, перекрываемый частым гуканьем АГС – добежал, значит, солдат.

Вышла небольшая задержка: Максимову пришлось бежать за взрывчаткой к теплице, где остался Коваленко. Когда же он сделал пролом, все встали цепью вдоль забора, чтобы перебежать через него на другую сторону. Едва Лукин выглянул, как пули густо ударили по бетону, выбивая пыль и крошки, а залетевшие в пролом зашлепали по сырой земле. Били из большого цеха, перегородившего почти половину заводского двора, и из другого цеха, стоявшего к ним торцом. До цехов метров сто, могут и скосить. Связался по рации с «дзержинцами», попросил поддержки БМД и танка. Пока техника обрабатывала корпуса, Лукин закурил, прижавшись к забору. Семькин захотел пить, и оказалось, что фляжки почти никто с собой не взял.

Когда два снаряда попали в стену здания, Лукин скомандовал: «Пошли!», нырнул в пролом и побежал к насыпи, где, видимо, было овощехранилище. Следом подбежал Семькин и остальные.

– Сысоев, Теряев, с пулеметом останетесь здесь, на насыпи – прикроете! Пошли! – скомандовал Лукин и побежал вперед. Тут же замолотил РПК Сысоева.

Они пробежали метров пятьдесят и укрылись за стеной одноэтажной, похоже, какой-то конторы из оштукатуренного кирпича, кинули в окно на всякий случай гранату и только потом вбежали внутрь. И тут же из соседних цехов по окнам конторы секанула очередь, заставившая всех упасть на пол, почти друг на друга. Комнатка была столь небольшой, что пули, залетавшие внутрь, ricochetили от стены до стены, заставляя невольно пригибаться.

Ответили из автоматов, Семькин послал удачно в окно цеха, откуда стреляли, ВОГ из подствольника.

За стеной автоматный грохот – подтянулись еще омовцы.

Лукин огляделся, сидя у стены, и удовлетворенно отметил, что связист и военврач, выделенные начальником штаба полка «дзержинцев» Токаревым, не отстали. Тут же несколько его бойцов.

Лукин приказал связать его с Токаревым, который вел спецназ слева от них, и сообщил, что они закрепились недалеко от торца первого по ходу цеха. Договорились, как бээмдэшки закончат обстрел, с двух сторон входить в цех.

С полчаса сидели на бетонном полу, прислушиваясь к разрывам, которые, в основном, были впереди. Пули по-прежнему влетали в окна.

– Мужики, невтерпеж! Можно, я здесь по малой схожу? – попросил лейтенант-военврач.

– Ну ты придумал! – засмеялся Лукин. – Еще под нас потечет. Шуруй на улицу!

Лейтенант кисло улыбнулся, снял сумку с медикаментами, перевалился через порог и пополз по асфальтовой дорожке к кустам посадки.

Через несколько минут Лукин услышал разрыв снаряда там, откуда они недавно прибежали, и связался по рации с Коваленко.

– 203-й, что там у вас за взрыв?

– Да, видно, с БМД прилетело...

– Наших не задело?

– У нас нет. Теряева и Сысоева тоже вижу...

Лукин облегченно вздохнул и, осторожно выглядывая из окна, стал прикидывать, как лучше пробраться к цеху. Тут Коваленко сам вызывает его и сообщает тревожным голосом:

– 200-й, я 203-й. Андрей Сысоев ранен осколками!

– Тяжело?

– В ноги и в бок... Слава ему два тюбика промедола вколол. Похоже, легкое зацепило...

– Сейчас врача пришлю, отправьте раненого и двигайте ко второму пролому!

– Саша, посмотри, доктор там живой? Скажи ему, чтоб шел к нашим – Сысоева ранило! Пусть отправит и – к нам.

Семыкин накинул на плечо сумку военврача и выполз наружу.

Лейтенанта-военврача он увидел метрах в двадцати за бордюром, лежащим рядом с Энсом, который бил из автомата, укрываясь за низкими постриженными кустами по окнам цеха, справа от них.

– Вон, вон, на третьем этаже из второго окна!.. – азартно подсказывал он.

– Лейтенант, – подполз Семыкин, – дуй обратно к забору, там нашего тяжело ранило! Отправь и обратно к нам.

Семыкин пристроился рядом с Энсом, дал несколько коротких очередей по окну, на которое указывал лейтенант, и тут над головой срезало крупную ветку.

– Снайпер! – крикнул он Энсу. – Давай в дом!

Но из конторы уже выскакивали вслед за Лукиным омовцы и, пригибаясь, прятались за стеной, готовые рвануться к воротам цеха.

Обстрел прекратился. Они осторожно вошли в цех, прикрывая друг друга, настороженно водя стволами от станка к станку, от балки к балке, за которыми могли прятаться «духи». Но никто по ним не стрелял.

– Похоже, ушли боевики! – сказал Колмогоров.

– Может быть, может быть, – пробормотал Лукин, – проверьте-ка с Семыкиным антресоли. Только аккуратнее! А мы справа проверим.

– Командир, бэтээр! – вполголоса сказал Толя Агарков, показывая рукой в угол цеха. Там действительно стоял БТР. «Неисправный, наверно», – подумал Лукин и приказал:

– Не подходить к нему! Может, заминировали... Швеца, останься с гранатометом, возьми на прицел. Если что-то там зашевелится, лупани!

– Командир, так, может, сразу?

– А если там взрывчатка! Потом займемся им...

А в середине цеха обнаружили еще одну чудную машину – КШМ на базе танка. Не долго думая, сожгли из «шмеля».

Когда закончили зачистку цеха, уже начинало смеркаться. Вновь стали думать, что делать с обнаруженным бэтээром. Подходить к нему опасались: среди железа миноискатель – не помощник

Тут Максимов предложил опустить заряд сверху с балки, что как раз над бэтээром, и взорвать. Лукин одобрил. Максимов сверху осторожно спустил на

веревке три связанные гранаты, к щеке одной был привязан тонкий шнур, за который Максимов дернул, когда укрылся вместе с остальными.

Раздался взрыв, и на месте БТРа осталась развороченная груда металла.

Пока возились, совсем стемнело. В другие цеха Лукин решил не соваться, а пересидеть ночь в конторе. Расставил людей в охранение так, чтоб все подходы простреливались, и велел стрелять по всему, что движется.

Открылось две напасти. Тех, кто сбросил куртки перед тем как бежать через поле и сейчас был в одних «брониках», заколотило от холода. Но, несмотря на холод, почти все вдруг захотели пить, и выяснилось, что воды ни у кого нет – никто не думал, что все это так затянется. Кое-кто пытался наскрести снега в укромных местах, где он днем не растаял, но это не спасало, пить все равно страшно хотелось. В конторку набились как сельди в бочку, и здесь было не так холодно, как на улице. Все на взводе, внутри у каждого будто сжатая пружина. А тут еще в ночной тишине вдруг загрохотал непрерывно автомат метрах в двадцати от них, где был Слава Теряев. «Весь рожок выпустил», – отметил Лукин и сказал Семькину:

– Пойдем посмотрим, что там!

Предупредив, что идут свои, они подбежали к углу здания, за которым укрывался Теряев.

– Ну что тут? – спросил Лукин.

– Да вон в том цехе наверху ходили, битое стекло хрустит, а потом вроде кто-то на улицу вышел вон там, я и шарахнул, – возбужденно прошептал Теряев. – Вон опять ходят, слышите?

Наверху действительно раздавались хрустские шаги, как в мороз по снегу.

– Саша, ну-ка из подствольника долбани вон в то окно посредине, что без стекла, а ты, Теряев, в то, что с краю, только цельтесь лучше!

Выстрелы оказались удачными, ВОГи влетели внутрь, взорвались, полыхнув огненной вспышкой.

– Вот теперь у духов охота пропадет там лазить! – удовлетворенно проговорил Лукин.

Коваленко облегченно вздохнул, когда по рации от «дзержинцев» ему сообщили, что Сысоева на вертолете отправили в госпиталь. Теперь-то уж точно будет жить, а то, когда в бээмдэшку его на плащ-палатке понесли, бойцы малость погрустнили: первый бой и первая потеря, а чертов завод еще взять надо.

Они расположились у второго пролома и прислушивались к выстрелам, стараясь понять, что там, на заводе, происходит. Сумеречный вечерний воздух стал промозглым и неудобным.

– Викторыч, долго еще тут яйца морозить будем? Броник-то хреново греет. Когда к нашим пойдем? – обратился к Коваленко Богатюк, обивая о бетонную плиту забора облепленные грязью ботинки.

– Когда командир скажет, тогда и пойдем, пока будем в прикрытии.

Через два часа совсем стемнело, и Лукин приказал оставаться на ночь у этого пролома. А тут присесть даже некуда, сплошь голая мокрая земля, лишь у забора припорошенная снежком.

Слева от них, у противоположного забора, где должны идти «дзержинцы», из пробитого газопровода высоко вырывался огненный факел, свет от которого добирался и к ним. Теплее от этого, правда, не становилось. Тех, кто был без курток, буквально колотило, как ни жались они друг к другу.

– Ну что за служба! Как тут у вас хреново, пойду лучше сдамся в плен к боевикам, чем медленно околевать! – шутливо пробормотал Юрий Богатюк.

– Давай, давай, – усмехнулся Коваленко.

– Вот дурак, чего куртку сбросил! Разжарило ему... Нет, все, больше не могу, пойду у факела погреемся, – продолжал зудить Богатюк.

– Иди, иди! Там тебе «духи» баню устроят, – в тон ему сказал Коваленко, соображая, однако, что же делать, не стоять же всю ночь на ногах! Глянул на проходившую рядом с ними теплотрассу и приказал обдирать с нее стекловату и стелить на землю. Пузанов предложил принести двери от теплицы, где их чуть не накрыл ВОГ.

Когда от теплицы принесли две двери и стали на них моститься, раздался два выстрела, пули ударили в бетонную плиту забора и, высекая искры, отколошетили в землю.

– Ложись! Снайпер! – крикнул командир роты Олег Мамаев.

«Там же наши должны быть», – засекая вспышку очередного выстрела, подумал Коваленко, соображая, открывать ответный огонь или нет. Тут Гиви Газзаев со свертком стекловаты побежал к ним от теплотрассы, его тень от света факела замаячила на заборе, и туда вновь ударила пуля. «По теньям бьют», – догадался Коваленко. Запищала рация.

– 203-й, ответьте 200-му!

– 203-й слушает!

– Мне соседи говорят, что у вас в тылу «духи» бегают! Куда смотрите?

– Да нет тут никаких «духов»! Это они по нам стреляют. Тени на заборе от факела, по ним и лупят. Двухсотый, передайте им наш пламенный!

– 203-й, вода у вас есть?

– Фляжка была, выпили...

– Ладно, не спите там!..

Узнав, кто по ним стрелял, омовцы поматерились, нервно посмеялись и стали устраиваться на дверях и стекловате, тесно прижимаясь друг к другу. И хотя морозец по сибирским меркам был невелик, ночь показалась бесконечно длинной, особенно тем, кто был без курток.

Утром, когда рассвело, Лукин приказал двигаться к нему. А тут как раз два солдата притащили по термосу компота – сказали, что прислал их замкомандира полка. Один почти весь тут же осушили, а второй принесли к своим в конторку.

– Уфф, думал сгорю! – выпив кружку, сказал Семькин. – Вроде и соленого ничего не ел...

– Соль тут ни при чем, – сказал лейтенант-врач, – это от стресса...

– Ну, значит, сейчас нам еще больше воды понадобится. Будем брать вот этот корпус, – показал дулом автомата Лукин на цех, в котором ночью были боевики. – Приготовиться! Сначала «артподготовка» из всех стволов, а потом идем внутрь. Друг друга прикрывать! Не видишь, что внутри, кинь туда гранату!

Он распределил, кому откуда стрелять, и скомандовал: «Огонь!». Через пять минут стена цеха, обращенная к ним, была окутана пылью и дымом. Лукин удовлетворенно отметил, что почти все ВОГи через окна залетали внутрь и рвались там.

Пыль еще не осела, когда они вошли в цех. Но по ним никто не стрелял. Боевики ушли. Проверили все закоулки и помещения, нашли только одного убитого боевика да в комнате на антресолях огневую точку, книжки на арабском языке и использованные женские тампоны. Видать, снайперши, а может, просто подстилки для «духов».

На асфальтированной площади перед цехом встретились с возбужденными спецназовцами, только что зачистившими административный корпус.

– Ну что, Федорыч, кажись, взяли завод! Потери есть? – подошел к Лукину Александр Сергеевич.

– Один раненый...

– У нас «двухсотый» есть. Из штаба передали, вас хотят здесь, на заводе, оставить на три дня.

– Они что, охренели! У меня люди ночь не спали, раздетые! – заматерился Лукин.

– Не кипи раньше времени! Может, заменят. Вроде наш 5-й полк на подходе и новосибирский ОМОН.

Они сели на лавочку рядом с конторой, на которой уже сидел Колмогоров. Лукин почувствовал, как отпускает напряжение прошедшей ночи, расслабленно навалился на стену и снял «сферу». Александр Сергеевич, жмурясь от восходящего солнца, протянул с улыбкой:

– Эх, сейчас бы стакан водки!

– Водки не обещаю, а шампанское могу достать, – усмехнулся Лукин.

– Откуда?

– Это ж завод, а на заводе столовая есть. Раз есть столовая, значит, есть овощехранилище, а уж там у хорошего хозяина всегда ящик с шампанским стоит... Когда мы сюда бежали, я видел овощехранилище, пойдем посмотрим.

Они подошли к сооружению, похожему на большую землянку с металлической дверью. На двери огромный амбарный замок. Прикрепили гранату, дали по ней очередь из автомата, граната взорвалась, но замок остался на месте.

– Слава, можешь ты своей бузукой нам дверь открыть? – остановил Лукин проходившего мимо Швеца с гранатометом на плече.

– Запросто! Только отойдем подальше.

Они присели поодаль за кучей металлолома, Швец прицелился и выстрелил из РПГ. И тут произошло то, чего никто не ожидал. Хранилище вдруг вспучилось, мелькнули на мгновение бетонные плиты перекрытий, и следом вырвался огромный огненный цилиндр, увенчанный черной клубящейся шапкой дыма. Над ними пронеслась горячая волна, забарабанило по бронике крошево из земли и бетона. «Ни хрена себе!» – подумал Лукин. И тут же по рации встревоженно из штаба полка:

– 200-й, что там у вас?

– Да ничего, все нормально... Зачистка...

– Что за взрыв у вас там?

– Да все нормально, зачистка!..

А на месте насыпи – воронка с земляным валиком по краю, в которой полыхал огонь, что-то хлопало и трещало. Отряхнувшись, они какое-то время озадаченно смотрели на огонь, потом Колмогоров неторопливо прошелся к кострищу и, когда вернулся, флегматично объявил:

– Одни пробки валяются.

– Из-под шампанского? – горестно выдохнул Александр Сергеевич.

– Ага, из-под шампанского. Нитрокраска у них там хранилась!

Из штаба пришла шифрограмма, в которой сообщалось, что боевики вновь выдвигаются к заводу, и, чтобы их отсечь, 5-й полк проведет артподготовку. Лукин едва успел предупредить Семькина, чтоб отвел людей в укрытия, как раздался над головой гул, грохот и за проходными завода разрывы снарядов, которых не жалели и ахнули из всех стволов, какие были. Несколько снарядов упало на крышу цеха, в котором они нашли снайперское гнездо, Лукин, пригибаясь, прибежал в контору и с тревогой обнаружил, что многих бойцов здесь нет, в том числе и Семькина.

А Семькин в это время лежал на асфальте и с такой силой вжимался в него, что на миг показалось, будто асфальт подается. Он материл наших артиллеристов, которые второй раз за сутки херачили по своим. Несколько снарядов разорвалось во дворе завода, и осколки густо брызнули по стенам цеха и окнам, выбивая уцелевшие стекла. Лежать на открытом месте было теперь просто опасно, и Семькин пополз к тротуару с высоким бордюром. Распластавшись за ним, перевел дух, хотя, конечно, сверху осколки все равно могли прилететь. Двадцать минут обстрела показались вечностью.

Когда артподготовка закончилась, он подошел к Теряеву, Энсу и Пузанову, и, глядя на их напряженно-бледные лица, шутливо произнес:

– Ну что! Погнали наши городских!

– Да уж! – усмехнулся Теряев.

Подбежал Лукин с теми, кто был в конторе. Узнав, что все целы, распорядился занять позиции в административном здании и в цехе. Сделали они это вовремя. Очухавшись после артподготовки, боевики мелкими группами двинулись к заводу, но, встреченные огнем пулеметов и автоматов, укрылись в соседних домах. Успели они занять и общежитие рядом с заводом, откуда то и дело раздавались автоматные очереди.

Пока были около часа в перестрелке, на завод вошли 5-й полк «дзержинцев» и новосибирский ОМОН. Это была смена. Выяснив обстановку, новосибирцы стали готовиться к штурму общежития и в этот же день взяли его. Но омские омовцы узнали об этом только через сутки. Сутки же они отсыпались и отдыхали в палатках на ПВД. А затем их вновь привезли на этот завод, и они охраняли его трое суток.

Потом был только что взятый Грозный с разбитой, сожженной техникой по обочинам, с то и дело попадавшимися на улицах трупами. И зачистки, зачистки, зачистки...

Но, когда возвращались домой, вспоминали больше то, что было на заводе. О том и сложилась первая военная песня:

Сквозь дымку гор уходит наш отряд.
Приказ нам дан, и нет пути иного,
Нам надо взять завод, и мы возьмем!
Ведь, правда, нет у нас пути другого.

А впереди, среди чеченских хат
Стеклом разбитым смотрит Катаяма.
Бежит по полю в полный рост отряд -
Ребята из омского ОМОНа.

Бьют снайпера, взрывается земля,
И ноги отекли у нас от бега.
Свинцовый град стучит над головой,
И одного парнишки с нами нету.

Прошел тот бой, и кончилась та ночь.
Но в памяти останется со мною
Тот раненый боец и трудный бой
Свист пуль, разрыв гранат над головою...